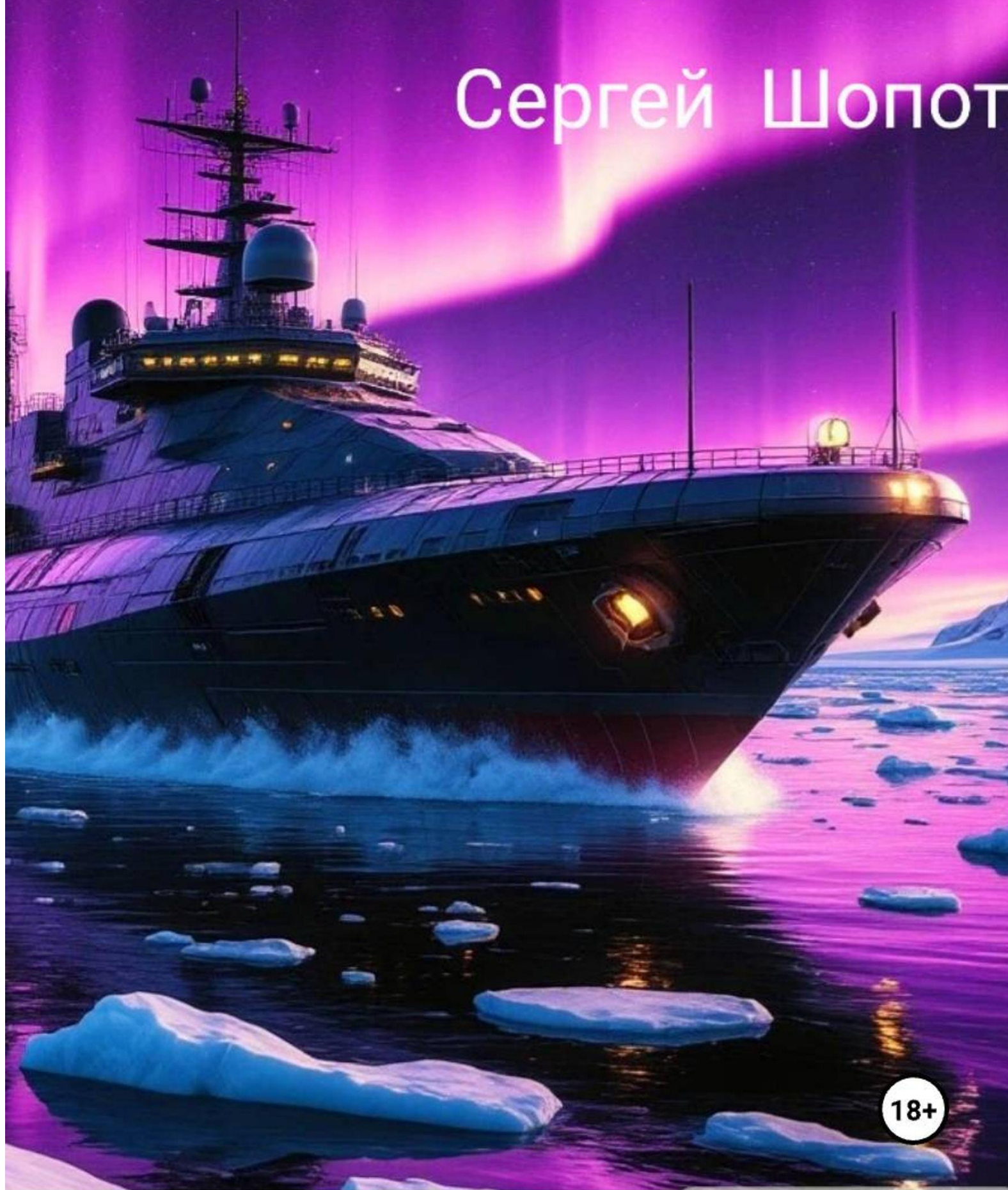

Иной мир

Сергей Шопот

18+

Сергей Шопот
ИНОЙ МИР

«Автор»

2026

Шопот С.

ИНОЙ МИР / С. Шопот — «Автор», 2026

Антарктида скована льдом, а остальная Земля задыхается от Великого Зноя. Выжженное Белое Солнце заставило людей уйти под землю, превратив сухопутный Владивосток в подводный мегаполис-бункер. В этом новом мире единственная надежда человечества — исследовательское судно-ковчег «Остров Русский». Старший механик Виктор Машков — бывалый моряк с чисто русским характером — умеет на полную катушку куражиться на берегу, но в море он кремень. Когда из глубин Арктики приходит сигнал бедствия с западного судна «Поларис», экипажу Машкова и капитана Курганова приходится модернизировать дизели и совершить безумный прорыв под пятиэтажными льдами. Им предстоит не просто спасти коллег, а раскрыть зловещую тайну пришельцев, которые терраформируют Землю под себя. Сможет ли русская смекалка против космических технологий, поршневой самолет с пиротехникой против квантовых радаров и воля одного стармеха переломить ход войны за планету? И какую тайну скрывает нло

© Шопот С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение домой.	5
Глава 2. Прорыв под Амурским Заливом.	7
Глава 3. Прошло 5 лет.	8
Глава 4. Пепел Авачи.	10
Глава 5. Медвежий гамбит.	12
Глава 6. Обитаемый ковчег.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

ИНОЙ МИР

Глава 1. Возвращение домой.

Глава 1. Возвращение домой.

Тяжёлый океанский сухогруз «Капитан Мезенцев» со скрежетом и глухим гулом поршневых дизелей швартовался к причальной стенке Владивостокского морского торгового порта. За кормой остались долгие, изнурительные семь месяцев штормов в Индийском океане, липкая тропическая жара и бесконечные вахты в душном, пахнущем мазутом машинном отделении.

Старший механик Виктор Машков, крепкий, широкоплечий мужик с проседью в густых волосах и обветренным флотским лицом, стоял у леера на шлюпочной палубе. Он с жадностью вдыхал родной, прохладный воздух Золотого Рога, замешанный на запахе морской соли, угольного дыма и цветущего багульника. Владивосток встречал свой привычный майский вечер. Город карабкался своими серыми панельками и старинными кирпичными домами вверх по крутым сопкам, укутанным в лёгкую вечернюю дымку.

Едва забрав со шлюпа свой тяжёлый брезентовый рундук с инструментами и заграничными гостинцами, Машков поймал у ворот порта старенькую праворукую «Тойоту» и погнал домой, на родной Чуркин. Владивостокские дороги, как обычно, испытывали подвеску машины на прочность, но Виктору эти косогоры и крутые повороты после полугода качки казались лучшим местом на планете.

Дома, в уютной трёхкомнатной квартире с видом на залив, его ждал настоящий, заслуженный береговой покой. Первым делом Машков скинул тяжёлые флотские ботинки, блаженно растянулся на лоджии в старом кресле-качалке и открыл бутылочку холодного, только что из холодильника, приморского пива. Напротив него, на кухонном табурете, устроилась Света — его любимая женщина, статная, чернобровая, с задорным прищуром тёплых глаз. Она ласково смотрела на мужа, подперев щеку ладонью, и перебирала пальцами кучу привезённых им ракушек.

Виктор сделал глубокий глоток, довольно крикнул и вытер усы тыльной стороной ладони.

— Эх, Светик, родимая моя, кабы ты знала, как мне этот океан в печенках сидит! — выдохнул стармех, блаженно зажмурившись под лучами заходящего солнца. — Семь месяцев в железной коробке, под грохот главного двигателя. Мне по ночам этот редуктор снился, чтоб его черти в гальюне перебирали! Там, в тропиках, жара такая стояла, что мазут на переборках плавился. Зато рейс закрыли без аварий, премию выписали. Теперь у нас с тобой впереди целый месяц чистого, законного куража на берегу!

Света тихо рассмеялась, качнув головой, и подвинула к нему тарелку с жареной корюшкой.

— Знаю я твой кураж, Витенька, — с улыбкой отозвалась она, лукаво посмотрев на мужа. — Опять на вторую неделю взвоешь, начнешь в гараже свой «Марковник» до винтика разбирать да карбюратор спиртом протирать. Тебя же на берегу надолго не хватает, у тебя вместо крови дизельное топливо течет.

— Ну зачем ты так, Светик? — притворно обиделся Машков, подцепляя пальцами хрустящую рыбку. — В этот раз всё будет культурно. Завтра же прыгаем в машину и дуем на Шамору. Палатку возьмем, шашлыков нажарим, пива бочку на заднее сиденье закинем. Будем на песке валяться, на волны смотреть. Пацанов из роты позову, Курганов обещал подъехать, гитару настроим. Устроим такой отдых, что сопки задрожат!

В этот момент Света подошла к краю лоджии, посмотрела на горизонт и вдруг нахмурилась, прикрыв глаза ладонью от солнца.

— Вить, а ты глянь на небо, — тихо сказала она, и в её голосе скользнула странная тревога. — Время-то уже девятый час вечера, солнцу пора садиться. А оно какое-то... неестественное. Слишком белое. И жарко как-то становится, кондиционер в комнате на полную мощность молотит, а на лоджии дышать нечем.

Машков лениво приоткрыл один глаз, посмотрел в сторону залива и тоже нахмурился. Настоящий флотский механик всегда чувствовал аномалии шестым чувством. Небо над Владивостоком стремительно меняло цвет. Привычный розоватый закат Приморья вдруг растворился, уступив место тяжелому, слепящему белёсому сиянию. Солнце, вместо того чтобы плавно катиться к закату, замерло над горизонтом, превратившись в пылающий, неестественно яркий диск, от которого по воздуху пошли видимые волны сухого, удушливого жара. Листья на тополях во дворе мгновенно пожухли и начали скручиваться в трубочки, а асфальт на Чуркине поплыл, заблестев черными лужами плавящегося гудрона.

Виктор резко поднялся со своего кресла, выронив бутылку. Пиво с шипением разлилось по бетонному полу лоджии, но стармех этого даже не заметил. Он подошел к термометру, висевшему на стене. Красный столбик ртути на глазах полз вверх, преодолевая отметку в сорок, сорок пять, пятьдесят градусов.

— Что за чертовщина... — хрипло выговорил Машков, чувствуя, как футболка моментально взмокла от пота, а воздух в легких стал обжигающим, словно в сауне. — Света, быстро уходи в комнату! Закрывай все пластиковые окна, задергивай шторы! Это не просто циклон, это какая-то радиационная вспышка.

В этот момент в комнате надсадно, прерывисто зазвонил старый домашний телефон. Машков ворвался в душную квартиру, схватил трубку и услышал сквозь дикие, оглушительные статические помехи грохочущий, сорванный голос капитана Курганова.

— Витя! Машков! Ты меня слышишь, Дед?! — кричал Курганов в трубку, перекрывая какой-то гул на заднем плане. — На связь вышло управление! По всему полушарию фиксируют аномальный скачок температуры. Белое Солнце выжигает атмосферу, реки закипают! По радио объявили высший уровень планетарной катастрофы! Срочно хватай Свету, Олеську, пакуй документы и сухой паёк! Прыгайте в твой «Марк» и на максимальной скорости дуйте в доки Острова Русского! Наш глубоководный ковчег — это единственное место, где можно укрыться от этого Зноя! Тоннели под заливом еще открыты, но гермошторки закроют через два часа! Бегом, Машков!

В трубке раздались короткие гудки, а затем телефонная линия окончательно умерла, оставив в динамике лишь мертвое шипение.

Виктор медленно опустил трубку, повернулся к побледневшей Свете, и на его лице проступила ледяная, боевая решимость.

Великий Зной, который перевернет всю историю Земли, официально начался прямо над сопками Владивостока.

Глава 2. Прорыв под Амурским Заливом.

Дорога от Чуркина до въезда в подводный тоннель, ведущий на Остров Русский, превратилась в сущий ад. Белое Солнце, словно сошедший с ума гигантский прожектор, выжигало Владивосток. Потоки удушливого, раскалённого воздуха плавили пластиковые бамперы брошенных на обочинах машин. Белый рамный «чемодан» Toyota Mark II 1983 года выпуска, верный и крепкий японец Машкова, надсадно ревел мотором. Виктор выжимал из старого автомобиля всё, на что тот был способен, лавируя между закипевшими и застрявшими в гудроне иномарками.

В салоне стояла невыносимая духота. Кондиционер «Марковника» давно не справлялся с забортными пятидесятью градусами и просто выплёвывал в лицо сухой, горячий ветер. Света, бледная от страха и перегрева, крепко прижимала к себе завернутые в плотное одеяло документы и скудный запас пресной воды. Олеся, испуганно притихшая на заднем велюровом сиденье, неотрывно смотрела в окно на полыхающие сопки.

На въезде в подводный транспортный тоннель царил неопиcуемая паника. Огромные многотонные гермостворки, способные выдержать ядерный удар, уже начали медленно, со злобющим гидравлическим скрежетом сдвигаться. Военные патрули в тяжёлых противогазах и термостюмах отчаянно пытались сдержать толпу мечущихся людей.

Машков до упора вдавил педаль газа. «Марк» взревел, покрышки со свистом полоснули по плавящемуся асфальту, и белый седан буквально втиснулся в сужающуюся щель закрывающихся ворот за секунду до того, как тяжелый металл наглухо отрезал Владивосток от подземного коридора.

Внутри тоннеля, под толщей океанской воды Амурского залива, было прохладнее, но атмосфера оставалась давящей. Колеса машины гулко стучали по бетонным плитам. Через двадцать минут безумной гонки по подземным галереям «Марковник» на полной скорости влетел в колоссальный центральный док Острова Русского.

Здесь, в гигантской скальной пещере, освещённой багровыми аварийными лампами, покачивался на воде научно-исследовательский ковчег — огромный титановый корабль, ставший последней надеждой Приморья. Капитан Курганов уже стоял на мостике, руководя экстренной посадкой специалистов и их семей.

Глава 3. Прошло 5лет.

...С тех пор пролетело долгих пять лет. Время пронеслось как один бесконечный, надсадный кошмар. Белое Солнце окончательно чокнулось, превратив планету в Великий Зной, и запертые в стальной коробке люди медленно сходили с ума в бесконечном плавании среди испаряющихся океанов.

Капитан Курганов со стуком опустил на стол кают-компания тяжелый электронный планшет, на экране которого безжалостно горели багровые цифры новых температурных аномалий. Он вытер пот со лба, обвёл уставшим взглядом офицеров и глухо, яростно выругался. За иллюминаторами научно-исследовательского судна простиралось тот самый Иной мир на Земле — мутное, белёсо-желтое море закипающей воды.

— Жара парит который месяц, а правительство под землёй не может установить нормальный график! — зло бросил Курганов, снимая фуражку. — Это уже пятый год летом пекло, солнце совсем взбесилось, скоро все полярные льды растают к чертям! Кондиционеры в трюмах работают на пределе, поршни плавятся, экипаж с ума сходит от этой вечной душегубки. Скоро у нас у всех мозги поплывут. Нам бы хоть глоток нормальной прохлады, как раньше во Владивостоке...

Старший механик Виктор Машков, сидевший на потертом кожаном диване, медленно открыл глаза и перевёл на капитана свой цепкий, спокойный взгляд бывшего морского волка. Он привычно покрутил в руках серую ветошь.

— Скоро не просто льды растают, Михалыч, — хмыкнул Машков, криво усмехнувшись. — Скоро мы все тут в собственном соку сваримся, если я вентиляцию в третьем отсеке не переберу. Всем сейчас тошно. Душа нормальной жизни просит, тишины и флотского куража на Тавайзе.

Курганов внимательно посмотрел на своего старого стармеха, и его суровое лицо немного смягчилось:

— Ну так освежи нас, Дед. Ты же у нас мастер байки травить, всю жизнь на праворуких японцах по сопкам летал. Расскажи, как в старые добрые времена, до этого гребаного пекла, ты согревался на берегу? Расскажи про свой «Марк», про гаражи, про то, как мы умели отдыхать. Нам сейчас воздух нужен, Витя. Рассказывай.

Машков откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, и на его обветренном лице впервые за долгие дни проступила теплая, ностальгическая улыбка...

— Дело было лет двадцать пять назад, еще до Великого Зноя, когда солнце грело, а не выжигало. Вернулся я тогда из тяжелого рейса. На берегу меня встречала Света — любимая моя. Ну, дело молодое, соскучились. Сначала мы культурно сели у меня на лоджии во Владивостоке. Сидим, выпиваем, ветерок с моря дует — благодать! И тут нас как стукнет: «А погнали на Тавайзу?» Ночь на дворе, а нам море по колено! Взяли такси, рванули на берег, чтобы, значит, продолжить на лоне природы.

Капитан Курганов понимающе хмыкнул, а молодой третий помощник штурмана, сопливый еще парень по фамилии Козлов, аж рот открыл.

— Приехали, — продолжал Виктор, а в глазах его заплясали чертики. — Там я, признаться, так накопечгарился, что во мне проснулся древний мореход. Душа потребовала стихии! Скинул шмотки — и в море. Поплыл до самого предела, сколько сил было. Вылез кое-как назад, рухнул на шезлонг и моментально уснул без задних ног. Только сон мой прервала Света. Растолкала: хорош, мол, спать, рейс окончен! Ну, мы снова пошли за стол. Через какое-то время её сморило, захотела спать и ушла в номер. А мне-то мало! Кураж только разгорается! Я беру последнюю бутылку вина и иду по территории продолжать в одиночку. Иду и вижу — бассейн, а там девушка купается...

— Опаньки, — подал голос штурман Козлов, потирая руки.

— Вот тут-то, Михалыч, приборы обычно и зашкаливают! — тихо прервал Козлов, но тут же осёкся под взглядом капитана.

— Тихо ты, Козлов, не перебивай Деда! — зычно прикрикнул Курганов. — Ну и что дальше, Вить? Залез к ней?

— Слава богу, нет! — рассмеялся Машков. — Хотя, скрывать не буду, желание было великое. Но удержался. Стали мы с ней просто разговаривать по душам. Звали её Алёна, и была она... как бы это сказать... заметно картавая. Ей тридцать три года, мне полтинник — в общем, идеальный дуэт для ночных философских бесед у бассейна под звездами. И вот стоим мы, общаемся, романтика... как вдруг из темноты, как торпеда из засады, выходит моя Света!

Экипаж в кают-компании дружно грохнул со смеху.

— Света немая была от ярости, — улыбаясь, качал головой стармех. — Ни слова не говоря, выхватывает у меня из рук эту последнюю бутылку вина, присасывается к горлу, выпивает всё до капли из чистого чувства ревности — и уходит спать обратно в номер! Вот это я понимаю, характер!

— Наша школа, приморская! — одобрительно крикнул капитан Курганов. — Оставила мужика без снабжения в самый ответственный момент! И что ты сделал?

— А что делать? — развел руками Машков. — Мы с этой картавой Алёной пошли искать ночной магазин по округе. И тут она давай меня в море манить, мол, поплыли, займемся любовью на волнах, русалкой буду... Но я кремень, парни, не повелся! Во мне тогда проснулась тоска по родному Владивостоку. Плюнул на всё, поймал такси и рванул в город. Приехал, купил холодного пиваса, сел у себя на лоджии... Пью, расслабляюсь. И тут меня как обухом по голове бьет: «Ё-моё! А Света-то на Тавайзе осталась!»

Капитан Курганов со смеху бахнул кулаком по столу:

— Ну ты штурман, Машков! Проложить маршрут проложил, а главный груз на причале позабыл! Мать твоя женщина, бросить любимую девчонку в разгар куража! И что дальше?

— Развернул таксиста и пулей обратно! — за задорным смехом команды Виктор едва перекрикивал гул кондиционера. — Прилетел на Тавайзу, влетаю в номер... Помирились по высшему разряду. А после этих событий и свадьбу сыграли. Вот так, блин, отдохнули! Зато есть что вспомнить под этим вашим белым солнцем.

Веселый гул команды прервал резкий, противный зуммер на главном пульте кают-компании. Экран, отражающий показатели внешней среды, внезапно вспыхнул тревожным алым светом. Датчики радиации и температуры поползли вверх с бешеной скоростью.

Капитан Курганов моментально подобрался, улыбка исчезла с его лица:

— Отставить смех. Электроника фиксирует новую мощную вспышку на Солнце. Нас накрывает тепловая волна. Иной мир шутить не любит. Дед, дуй в машинное. Охлаждение реактора сейчас на максимум, нужно удержать нагрузку, чтобы кондиционеры не выбило. Иначе мы тут сами, как на Тавайзе, накочегаримся, только заживо.

— Есть, Михалыч, — Машков допил чай одним глотком и поднялся. — Не дрейфь, капитан. Мои дизеля и не такое пекло видели. Прорвемся.

Глава 4. Пепел Авачи.

В машинном отделении научно-исследовательского судна «Остров Русский» стоял крошечный, утробный ад. Тяжёлый, оглушительный рев многотонных дизелей не просто бил по барабанным перепонкам — он вибрировал в самых печенках, заставляя зубы крошиться под коронками. Воздух здесь был густым, маслянистым, намертво пропитанным удушливой гарью, раскаленным до синевы мазутом и резким, колющим ноздри запахом озона. Датчики температуры охлаждающей жидкости на главном щите больше не подмигивали привычным зеленым — они исходили дурным, ядовито-желтым сиянием, вплотную подобравшись к критической багровой черте. Белое Солнце снаружи сошло с ума. Оно больше не грело — оно методично и беспощадно кипятило Тихий океан, превращая Авачинскую бухту в гигантский, плюющийся паром котел.

Виктор Машков, утерев набрякший пот со лба грязной, черной от графитовой смазки ветошью, перекинулся парой резких, как выстрелы, фраз со вторым механиком. Голоса тонули в грохоте поршней, приходилось орать прямо в ухо, срывая связки. Дед лично полез к климатическим установкам. Сдернув обжигающий металл защитного кожуха, он до упора, почти с мясом, повернул вентиль, регулируя подачу фреона в контуры. Пальцы обдало ледяным химическим шипением, но Машков даже не поморщился. Проверив главный распределительный узел и убедившись, что автоматика еще держит удар, он удовлетворенно сплюнул на рифленый настил. Кондиционеры были на пределе своих механических возможностей, захлебываясь и содрогаясь, но многострадальная судовая машина работала. Старушка еще скрипела зубами. А значит — корабль будет жить.

Тяжело ступая по стальным ступеням трапа, Машков поднялся на ходовой мостик. Здесь было немногим прохладнее, а от панорамного обзора между лопатками продирал ледяной озноб. Капитан Курганов стоял у тактического стола, намертво вцепившись жестким взглядом в колеблющиеся контуры трехмерной голографической карты. Задание у научно-исследовательского ковчега было критически важным для тех крох человечества, что сумели зарыться под землю. «Остров Русский» оставался их единственными глазами и ушами на выжженной поверхности. Корабль должен был нарезать галсы по бурлящему побережью, собирая данные и буквально по крупичкам заново срисовывать очертания изуродованного Дальнего Востока.

Безумная солнечная активность не просто выжигала остатки атмосферы. Она, словно колоссальный подземный таран, спровоцировала тектонический сдвиг небывалой, чудовищной силы. По всему Тихоокеанскому огненному кольцу, веками спавшему под толщей воды, разом проснулись и зашлись в конвульсиях сотни вулканов. Земля трещала по швам. Непрестанно происходящие морские землетрясения перекраивали географию прибрежной зоны до полной, абсолютной неузнаваемости. Там, где в прошлой жизни, еще до Великого Зноя, Машков помнил пологие мысы, песчаные пляжи и шумные портовые причалы, теперь мертвыми клыками громоздились оплавленные скалы или зияли бездонные черные провалы, в которые с ревом уходила кипящая вода.

— Как там внизу, Дед? — не поворачивая головы, глухо спросил Курганов. Голос кэпа сорвался на хрип.

— Сдюжим, Михалыч, — Машков подошел ближе, плечом опираясь на переборку. — Дизеля пыхтят, кондиционеры пахнут, хотя фреон уже на доньшке. Что по приборам?

— Солнечный удар прошел по касательной, но потрянуло знатно, — капитан хмуро повел подбородком в сторону обзорных экранов и вывел на центральный монитор картинку с внешней носовой камеры высокого разрешения.

Вид за бортом завораживал своей грозной, апокалиптической, мертвой красотой. Курающиеся исполины — древние домашние вулканы Корякский и Авачинский — окончательно

взбесились. Они с утробным гулом выплевывали в белесое, выцветшее небо колоссальные, тяжелые столбы угольно-черного пепла и пемзы. Солнечный свет, пробиваясь сквозь эту грязную взвесь, окрашивал палубу в зловещие, трупные тона. Вода в бухте не просто штормила — она яростно бурлила от вырывающихся со дна раскаленных подводных газов. Океан превратился в ядовитый суп. Береговая линия Камчатки полностью изменилась со времен Старой Земли. Судно шло исключительно по приборам, то и дело нащупывая эхолотом новые, неведомые откуда выросшие подводные рифы и банки.

На баке со скрежетом повернулась турель тяжелой гидравлической стрелы. Роботизированный ковш, глухо лязгнув челюстями, поднялся из бурлящей жижи и вывалил на специальный приемный стол палубы дымящийся, исходящий ядовитым паром кусок камчатского грунта. К нему тут же подкатили манипуляторы автоматических зондов, вгрызаясь иглами в породу, беря пробы для исследования. Ученым там, в глубоких подземных бункерах, жизненно важно было знать, из каких именно пород прямо сейчас, в огне и зное, формируется новый, пока еще безымянный материк.

Курганов смотрел через бронированное стекло на эту бурлящую кашу Авачинской бухты, и в его суровых, воспаленных от бессонницы глазах отражалась тяжелая, невыплаканная грусть. Он был мужественным человеком, старым морским волком, который знал весь дальневосточный бассейн как свои пять пальцев. В свои молодые годы, еще задолго до того, как Солнце решило выжечь планету, он служил здесь на боевом корабле Краснознаменного Тихоокеанского флота. Он помнил Петропавловск-Камчатский совсем другим: зеленым, умытым колючими брызгами, заснеженным суровой приморской зимой и — главное — полным жизни. Теперь этого города больше не существовало. На его месте плавился шлак. Все живое, чему повезло уцелеть, ушло глубоко внутрь, под монолитную броню планеты.

Основная база выживших, остатки правительства и уцелевший научный центр теперь дислоцировались на острове Русский в Приморье. Люди из Владивостока полностью ушли под землю и под воду, намертво запечатав за собой гермозатворы. Они прорубили в скальной породе колоссальную, циклопическую сеть бункеров, а между материковой частью города и островом Русский под морским дном проложили огромные тоннели, по которым с воем носились скоростные поезда на магнитных подушках. Там, внизу, в вечной темноте искусственного освещения, человечество судорожно пыталось сохранить остатки цивилизации. Пока их единственный надводный корабль собирал бесценные данные наверху, подставляя титановый борт под смертоносные лучи.

— Да уж, Витя... — тихо, почти одними губами произнес Курганов, глядя, как роботизированный ковш снова с грохотом уходит в кипящую пену за бортом. — Ты тут служил в молодости?

— Не, Михалыч, бог миловал, я все больше по заграницам да по ремонтам во Владике, — отозвался стармех, внимательно следя за показателями давления в гидросистеме ковша. — Но экипажу разрядка нужна, это точно. После этой последней вспышки парни на взводе, у штурмана руки до сих пор подрагивают. Пошли в кают-компанию, выдай им какую-нибудь свою историю из старых запасов. Сбрось парок.

Курганов медленно повернулся, поправил засаленную, выдавшую виды капитанскую фуражку. На его суровом, обветренном лице, покрытом глубокими морщинами, вдруг впервые за долгие дни промелькнула юношеская, озорная улыбка. Глаза блеснули прежним, флотским задором.

— Ну ладно, Машков. Твоя правда. Парням надо дух перевести, иначе перегорят к чертям, как те предохранители в твоём третьем отсеке. Слушайте, орлы, как военный флот СССР на Камчатке рыбу ловил и стратегические учения «Запад» чуть к едрене фене не сорвал...

Глава 5. Медвежий гамбит.

В кают-компании научно-исследовательского судна «Остров Русский» снова пахло свежим, круто заваренным чаем. Густой, маслянистый аромат заварки приятно мешался с въевшимся в переборки запахом солянки и нагретого титана. Тяжёлое, гнетущее напряжение, державшее экипаж мёртвой хваткой после очередной сумасшедшей солнечной вспышки, наконец-то спало. Команда, устало рассевшись по своим местам, приготовилась слушать кэпа.

Капитан Курганов грузно облокотился на широкий стол, привычным, въевшимся в подкорку жестом пригладил седые усы и хитро прищурился на парней, в глазах которых впервые за вахту промелькнули живые искры.

— Ну так вот, парни. Было это в самом начале девяностых, — начал он, и его прокуренный, зычный голос мгновенно заполнил тесное пространство кают-компаний. — Я тогда ещё молодым лейтенантом, зелёным и порывистым, служил на малом противолодочном корабле прямо здесь, на Камчатке. Время было смутное, голодное, страна трещала по швам, но флотская служба шла строго, по уставу. И вот по осени пошла красная рыба на нерест — горбуша, кета, нерка... Речки камчатские бурлили так, что воду из-за хребтов не видеть, рыбу буквально голыми руками ловить можно было. Наш замполит, фанат рыбалки до мозга костей, учуял этот момент и выбил у командира добро: отправить группу матросов и меня на берег, в устье одной глухой речушки недалеко от базы. Задача стояла государственная — заготовить рыбки и икры на весь экипаж, чтоб хоть как-то разнообразить сухой макаронный рацион.

— Икра — это стратегический продукт, Михалыч! — весело подмигнул другу стармех Машков, смачно отхлёбывая чай из своей законной полулитровой кружки.

— Вот именно! — рассмеялся Курганов, отчего морщины на его обветренном лице окончательно разгладились. — Причалили мы к каменистому берегу на моторной лодке, скрытно так, без лишнего шума. Выставили дозорных из десантников, которые с нами шли для страховки на случай непредвиденных гостей, а сами с парнями пошли с бреднем по речке. Ночь, луна светит как прожектор, тишина мёртвая, только ледяная вода на перекатах шумит да сапоги по гальке шуршат. И вдруг с побережья — дикий, истошный вопли! Потом хлесткая автоматная очередь в воздух, грохот, треск ломающихся кустов и яростные крики на ломаном английском.

Молодой штурман Козлов, сидевший на самом краешке стула, аж подался вперёд, едва не опрокинув кружку:

— Шпионы, товарищ капитан?!

— Бери выше — профессиональные диверсанты! Подводные пловцы! — Курганов выдержал образцовую театральную паузу, обводя взглядом затихших матросов. — Как потом выяснилось, их высадили с иностранной подлодки, караулившей на внешнем рейде. Ребята были упакованы по самому последнему слову техники: дорогушие гидрокостюмы из секретного неопрена, новейшие бесшумные автоматы, приборы ночного видения, рации навороченные. Задача у них была сугубо секретная — скрытно пройти по руслу этой самой речки в глубь суши и заминировать наши береговые радары. Шли они тихо, грамотно, след в след, как заправские тени. Просчитали абсолютно всё: графики наших патрулей, частоты радиостанций, тайминги... Не учли они только одного. Нашего главного, секретного камчатского фактора.

Капитан сделал глубокий глоток чая, а матросы в кают-компаний, казалось, вообще затаили дыхание, ловя каждое слово.

— Дело в том, — продолжил Курганов с широкой улыбкой, — что на этой речке в темноте рыбу ловили не только мы. Там на мелководе, прямо на основном маршруте шпионов, стояла местная камчатская семья: огромная матушка-медведица и два её полторагодовалых оболтуса-медвежонка. Медведи увлечённо глушили лосося лапами, сыто чавкали, урчали на

всю округу и никого вообще не трогали. И тут из кустов прямо на них, бесшумно и красиво, в чёрных масках и с автоматами наперевес, выходят эти натовские супер-солдаты.

В кают-компании раздались первые, ещё сдерживаемые смешки. Кто-то приснул в кулак.

— Медведица, конечно, такого вопиющего неуважения к своей личной рыбалке не потерпела, — ухмыльнулся кэп. — Она решила, что эти чёрные пучеглазые водолазы пришли нагло отобрать её законную кету. Ка-а-ак рывкнет на всю тайгу! Чуть сопки не затряслись. Диверсанты от такой неожиданности приборы ночного видения с перепугу растеряли, у них электроника от медвежьего баса закоротила. Начали палить в воздух, но косолапую это только разозлило. Она как дала одному лапой по загривку! Короче, хваленый натовский спецназ с диким визгом бросился наутёк, забыв про радары и миссии. Медведи с улюлюканьем погнали их в лес. На ходу косолапые своими когтями порвали им эти супер-костюмы в мелкие клочья — у одного диверсанта вообще одни трусы и ласты на ногах остались, пока он со страху по колючим кустам продирался!

Матросы «Острова Русского» дружно, в один голос грохнули со смеху. Кок вытирал слезы грязным фартуком.

— Бегут, значит, эти несчастные «морские коттики» по тайге, шмотки в клочья, сзади медведи рычат, подгоняют, — качал головой Курганов, еле сдерживая собственный хохот. — И тут они с разбегу вылетают на поляну, где наши десантники из засады мирно чай из термоса пили. Диверсанты, увидев наших парней с простыми, надёжными калашами, от дикой радости чуть не расплакались. Упали на колени, руки вверх задрали и кричат на весь лес: «Плен! Найн медведь! Сдаёмся, козаки, только заберите нас отсюда!».

Курганов победно стукнул ладонью по столу.

— Десантники их троих тёпленькими и связали без единого выстрела. На допросе в штабе они потом честно, со слезами на глазах признались, что камчатские медведи — это самое страшное, негуманное оружие, которое они вообще видели в жизни. Сказали, лучше три года в сибирских лагерях, чем ещё пять минут с этой фурией на речке.

Когда весёлый хохот в кают-компании утих, Виктор Машков уважительно крикнул, качнув головой:

— Да уж, Михалыч, повезло шпионам, что на наших парней выскочили, а то медведи бы их точно на запчасти разобрали. Хорошая история. Показывает, что на Земле всегда была сила, которая посильнее любых технологий.

Капитан Курганов серьёзно кивнул, и его взгляд снова стал жёстким, командирским. Он посмотрел на экраны внешнего обзора, где за бронированным стеклом бушевал раскалённый, закипающий мир Великого Зноя.

— Это точно, Витя. Природа шутить не любит. Ни тогда, в девяностых, ни сейчас, под этим Белым Солнцем. Ладно, перерыв окончен, парок сбросили — и за работу. Пробы грунта Авачинской бухты собраны, программа выполнена. Штурман, прокладывая курс обратно к «Острову Русскому», домой в тоннели пора.

Глава 6. Обитаемый ковчег.

Научно-исследовательский обитаемый ковчег «Остров Русский» тяжело повернул вспять, ложась на обратный курс. Корабль медленно покидал яростно бурлящую, плюющуюся серым паром Авачинскую бухту, оставляя позади раскалённый камчатский ад.

Изнутри судно уже очень давно не напоминало обычный мирный сухогруз или серый военный корабль. По сути, это был настоящий плавучий ковчег Новой Эры, внутри которого за толстыми титановыми бортами кипела изолированная, сложная и невероятно хрупкая жизнь. Пока стармех Виктор Машков внизу, в удушливом полумраке, лично следил за стабильностью изнашивающих от зноя турбин в машинном отделении, на верхних жилых палубах и в глубоких переоборудованных трюмах шла масштабная работа, скрытая от глаз простых матросов. Государство в своё время вложило в этот проект колоссальные, почти безграничные ресурсы, чтобы превратить обычное судно в полностью автономную научную станцию. Здесь, запертые под толстой броней массивной светоотражающей обшивки, спасающей от смертоносной солнечной радиации, жили и трудились лучшие умы человечества — те, кто сумел вовремя эвакуироваться из мгновенно разрушенных, закипевших городов Старой Земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.